

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ЭМБАРГО В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ВОЛНЫ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ (на материалах мясной промышленности)¹

КАПОГУЗОВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,

доктор экономических наук, доцент,
зав. кафедрой экономической теории и предпринимательства,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
г. Омск, Россия
e-mail: egenk@mail.ru;

ЧУПИН РОМАН ИГОРЕВИЧ,

кандидат социологических наук,
научный сотрудник
Лаборатории экономических исследований Омской области,
ИЭОПП СО РАН, г. Омск, Россия
e-mail: roman-chupin@ya.ru;

ХАРЛАМОВА МАРИЯ СЕРГЕЕВНА,

магистрант кафедры экономической теории,
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
г. Новосибирск, Россия
e-mail: hms2020@mail.ru

В статье рассматривается влияние антироссийских санкций и ответных мер на АПК с позиций выявления выгод и издержек введения продовольственного эмбарго. Подчеркивается, что в условиях политики «умных санкций» целью ответных мер должно стать создание условий для максимизации общественного благосостояния. Реальность и проведенный анализ и расчеты показывают однако контрпродуктивность ответного эмбарго применительно к потреблению продукции мясной и мясоперерабатывающей промышленности для рядового потребителя. На основе динамики индекса калорийности показаны социально-экономические последствия односторонности автаркических мер. Схематично представлены условия обеспечения продовольственной безопасности в условиях продовольственного эмбарго, и на основе данных статистики рассчитаны последствия существующей политики эмбарго применительно к потреблению мясных продуктов. Показано, что ключевую роль в динамике стоимостного объема выпуска играл рост цен, и структурные сдвиги были связаны с дальнейшим ростом крупных сельхозорганизаций в структуре отрасли. В заключение предложены рекомендации в области институционального проектирования для совершенствования экономической политики.

Ключевые слова: санкции, продовольственное эмбарго, продовольственная безопасность, институциональное проектирование.

¹ Публикация подготовлена в рамках НИР по государственному заданию Финуниверситета на 2017 г. (утверждено Заместителем Председателя Правительства Российской Федерации 07.03.2017 г. № 1508п-П17) по теме «Экономические санкции против России: пути минимизации ущерба и преодоления автаркии» (ВТК-Г3-23-17).

INSTITUTIONAL ALTERNATIVES OF FOOD EMBARGO IN THE CONDITIONS OF A NEW WAVE OF ANTI-RUSSIAN SANCTIONS (case of Russian's meat industry)

EVGENY A. KAPOGUZOV,

Doctor of Economics (DSc),
Head of the Chair "Economic Theory and Entrepreneurship",
Omsk F.M. Dostoevsky State University, Omsk,
e-mail: egenk@mail.ru;

ROMAN I. CHUPIN,

PhD. Soc. Sci,
Research scientist of Institute of Economics and Industrial Engineering Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences, Omsk
e-mail: roman-chupin@ya.ru;

MARIA S. HARLAMOVA,

Graduate student of the Department of Economic Theory,
Novosibirsk National Research University
Novosibirsk
E-mail: hms2020@mail.ru

The article examines the impact of anti-Russian sanctions and response measures on the agro-production in terms of identifying the benefits and costs of imposing a food embargo. It is emphasized that, in the context of the policy of "smart sanctions", the goal of retaliatory measures should be to create conditions for maximizing public welfare. The reality and analysis and calculations carried out, however, show the disaster of the embargo in relation to the consumption of meat and meat processing products for the "ordinary consumer". Based on the dynamics of the caloric index, the socioeconomic consequences of the one-sidedness of autarkic measures are shown. The conditions for ensuring food security under the conditions of the food embargo are schematically presented and the consequences of the existing embargo policy on the basis of statistical data for the consumption of meat products are calculated. It is shown that the growth in prices played a key role in the dynamics of the cost volume, and structural changes were associated with the further growth of large agricultural organizations in the structure of the industry. In conclusion, recommendations are offered in the field of institutional design for the improvement of economic policy.

Keywords: *economic sanctions, food embargo, food security, institutional design.*

JEL: *E32, F32, L5133.*

Постановка проблемы

Введенные вследствие известных политических событий санкции против России спровоцировали ряд ответных мер, призванных в первую очередь дать «асимметричный ответ» на действия, направленные на подрыв национальной экономической безопасности. Одним из наиболее значимых экономических ответов стало введение в августе 2014 г. продовольственного эмбарго, которое затронуло целый ряд сфер и подотраслей АПК, в частности мясную и мясоперерабатывающую промышленность.

Продовольственное эмбарго до сих пор характеризуется неопределенным влиянием на национальную экономику и продовольственную безопасность страны. Положительные и отрицательные стороны продовольственного эмбарго неоднократно озвучивались в отчетах органов государственной власти, в материалах ведущих аналитических агентств и СМИ. При этом официальная позиция органов государственной власти РФ расходится с мнениями авторитетных независимых экспертов (*Аганбеян, 2015, с. 10*), призывающих к отказу от данной политики, способствующей в целом ухудшению положения рядового потребителя (*Экономические санкции, 2017*). Исходя из возникновения новой волны антироссийских санкций в июле 2017 г. предполагается их длительный характер², что определяется как сохранением политического бэкграунда, так и сложившейся институциональной структурой политической системы США³; надежда на отказ от них фактически отсутствует.

В этих условиях целесообразна выработка долгосрочных мер экономической политики в области как секторов экономики, наиболее подверженных санкциям, так и осуществление мер в области институционального проектирования (*Тамбовцев, 1997*). Регуляции должны сгладить последствия вводимых санкций и обеспечить адекватное развитие секторов экономики, получающих дополнительный шанс на развитие вследствие эффектов импортозамещения. При этом целью такой политики должна стать максимизация общественного благосостояния, а не экономические интересы отдельных экономических субъектов, лоббирующих сохранение эмбарго.

В рамках новой институциональной теории (*Williamson, 2000; Eggertsson, 1997*) санкции рассматриваются как механизм контроля соответствия поведения субъектов предписываемым нормам и правилам. В зависимости от понимания институтов (*Дементьев, 2009*) санкции могут носить ограничивающий или стимулирующий характер, создавая пространство поведения индивидов (*Furubotn and Richter, 2010*). Антироссийские санкции, которые попадают по своему содержанию под термин «умные санкции» (*Cortright et al., 2002*), должны были стать институтом, меняющим паттерны поведения лиц принимающих политические решения, в том числе в экономической сфере. Прежние вводимые санкции и эмбарго в отношении КНДР, Кубы (*Garfield and Santana, 1997*), Гаити (*Farmer et al., 2003*), Ирана (*Dizaji and van Bergeijk, 2012*) и ЮАР (*Coulibaly, 2009*) относились к так называемым странам с малой закрытой экономикой, которые сами не могли оказать существенного влияния на мировую экономику. Кроме того, они, приводя к потерям для рядового потребителя, не вызывали роста гражданских волнений. Таким образом, в условиях тоталитарной идеологии и/или мобилизационной риторики санкции не давали должного эффекта.

Для России ситуация санкций и антисанкций (гипотетически), по мнению лиц, принимавших решения по введению продовольственного эмбарго, была совершенно другая, поскольку страна традиционно являлась импортером продовольствия и на нее были направлены потоки экспорта пищевой, в частности мясной продукции из стран, введших и поддержавших российские санкции. Рассмотрим, каковы результаты такой политики и какие направления ее возможной корректировки могут быть предложены.

Противоречия российского продовольственного эмбарго

По данным аналитиков Правительства РФ, продовольственное эмбарго благоприятно сказалось на темпах роста аграрного сектора (в 2016 г. – до 3,2%)⁴. В 2015 г. объем импорта сельскохозяйственной продукции, подпадавшей под эмбарго, сократился на 8 914 млн долл.

² Санкции навсегда. (https://www.gazeta.ru/politics/2017/07/26_a_10803092.shtml – Дата обращения 27.07.2017).

³ Санкций мало не бывает. (https://www.gazeta.ru/politics/2017/02/19_a_10534019.shtml#page2 – Дата обращения 28.07.2017).

⁴ АПК отыграл все драйверы. Сельхозпроизводство может замедлить рост после рекордов 2016 года. (<http://www.agroinvestor.ru/analytcs/article/25075-apk-otygral-vse-drayvery/> – Дата обращения 25.06.2017).

(–98,4%) к уровню 2013 г.⁵ Существенного отрицательного результата продовольственного эмбарго не отмечается. Несмотря на девальвацию рубля и сокращение реальных располагаемых доходов, рынки смогли адаптироваться за счет естественных механизмов саморегуляции спроса и предложения.

По мнению ряда российских исследователей, данные цифры не отражают реальную картину: санкционная сельскохозяйственная продукция поступает на российский рынок через Белоруссию и Казахстан (*Шагайда и Узун, 2016*). Также отмечается рост импорта сельхозпродукции из стран БРИКС (в частности бразильской свинины). В результате роста курса доллара в 2015 г. отмечается рост внутренних цен, что привело к увеличению доли расходов домохозяйств на продукты питания в общей структуре денежных расходов до 33% (на 3–5 п.п. к уровню 2013 г.) (*Шагайда, Узун и Шишкина, 2016*). Таким образом, независимыми экспертами констатируется снижения уровня доступности продовольствия для населения.

Согласно официальным статистическим данным в Российской Федерации в период действия продовольственного эмбарго отмечается незначительные изменения индекса сбалансированности рациона по потребительской корзине в целом (рис. 1).

	2013	2014	2015	2016
Значение Индекса по потребительской корзине, %	89,4	88,7	88,1	88,2
Абсолютное отклонение к 2013 г., п.п.		–0,6	–1,3	–1,1
Значение тренда, %		89,2	88,4	86,9
$y = -0,0114x^3 + 0,2399x^2 - 0,0931x + 75,143$				
Относительное отклонение от тренда, п.п.		–0,5	–0,3	1,3

Рис. 1. Динамика Индекса сбалансированности рациона (2000–2016 гг.)

Источник: Данные ФСГС, расчеты авторов.

Индекс сбалансированности рациона характеризует величину отклонений от рекомендуемых Минздравом норм потребления значимых продуктов питания (Приказ № 614 от 19.08.2016 г.). К значимым относятся продукты питания, входящие в минимальную продовольственную корзину. Расчет общего значения индекса

⁵ Продовольственное эмбарго: итоги 2015 года / Аналитический доклад Управления по конкурентной политике Аналитического центра при Правительстве РФ. (URL.: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/8972.pdf> – Дата обращения 24.06.2017).

сбалансированности рациона по потребительской корзине осуществляется по следующей формуле:

$$K_{\text{рациона}} = \sum_{n+1}^i \left(\frac{P_{\text{факт}}}{P_{\text{норматив}}} \right) / n \quad (1)$$

Где $P_{\text{факт}}$ – фактический объем потребления i -продукта (кг на душу), $P_{\text{норматив}}$ – нормативный объем потребления i -продукта (кг на чел.), n – количество анализируемых продуктов.

Одно из наиболее авторитетных российских изданий «Агроинвестор» отмечает, что российские потребители ежегодно теряют в среднем 4380 руб. в результате роста цен на продовольственные товары⁶. Кроме того, статистикой фиксируется сокращение калорийности потребляемых на одного члена домохозяйств продуктов питания (рис. 2).

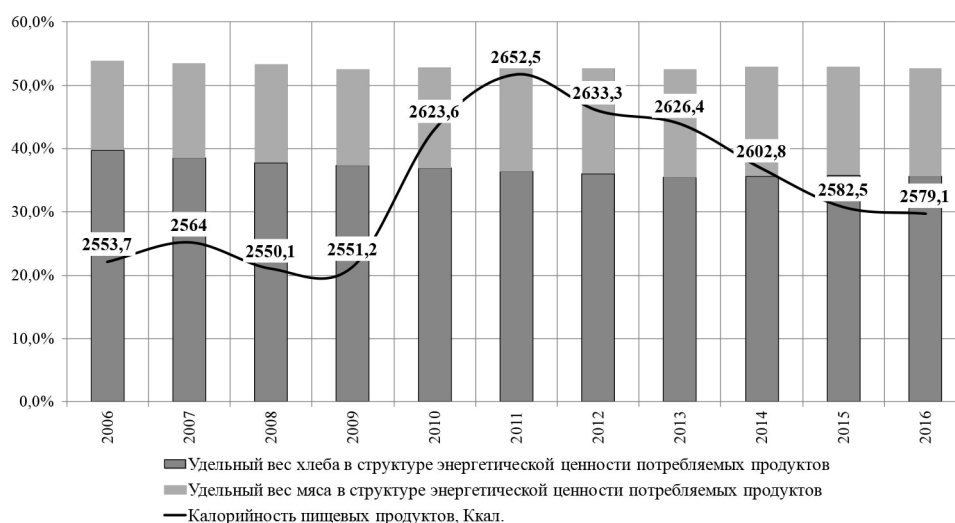

Рис. 2. Динамика калорийности питания в Российской Федерации (2006–2016 гг.)

Источник: Данные ФСГС.

Таким образом, несмотря на общий рост аграрного сектора, в период продовольственного эмбарго наблюдаются тенденции по изменению потребительских стратегий россиян, в том числе замещение дорогих мясных продуктов более дешевыми продуктами питания («борщевым набором»). Также экспертами отмечается рост неопределенности на рынках (Малкина, 2014) и, как следствие, снижение качества пищевых продуктов (Усенко, Позняковский и Отмахова, 2014). При существующей в России и странах ЕАЭС системе технического регулирования невозможно однозначно заявить о положительных результатах рыночной саморегуляции в условиях продовольственного эмбарго (Капогузов и Чупин, 2016).

Санкции, индустриализация АПК и техническое регулирование качества пищевых продуктов в России

Вопросы конкурентоспособности российской агропродовольственной продукции в условиях санкций затрагиваются главным образом в научно-исследовательских работах в области сельскохозяйственных наук. Ученые делают выводы в пользу продовольственного эмбарго в контексте политики импортозамещения (Аварский, Фетисова и Гасанова, 2014), а также Доктрины продовольственной безопасности (Сёмин, 2015). Несмотря на свою прикладную ценность для органов государственной

⁶ Россия продлит эмбарго до конца 2018 года. (<http://www.agroinvestor.ru/markets/news/28087-rossiya-prodlit-embargo-do-kontsa-2018-goda/> – Дата обращения 25.06.2017).

власти, проведенные исследования исходят прежде всего из патерналистских убеждений и нормативного подхода.

Неоспоримо, что положительным изменением в результате санкций является импортозамещение. В общем виде импортозамещение предполагает процесс структурных изменений в отрасли, при которых временная производная разности долей производства и импорта в общем объеме предложения продукции выше нуля. Ключевой целью импортозамещения выступает обеспечение продовольственной безопасности через рост продовольственной независимости. А. Галиев обозначил продовольственную независимость как «способность государства обеспечить продовольственную безопасность населения собственными ресурсами вне зависимости от импорта или при определенной его доле в балансе того или иного продукта питания» (Галиев, 2008). Вместе с тем особенностью политики импортозамещения в постсанкционный период (2014–2017 гг.) является их вынужденный характер (Белокрылова, 2014).

Необходимым условием импортозамещения, способствующим обеспечению продовольственной безопасности, являются также индустриализация и интеграция АПК. Данное утверждение исходит из формулы «неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция» (Губанов, 2008): интеграция приводит к образованию целостных производственных комплексов, имеющих технологическую возможность увеличения глубины переработки сельскохозяйственного сырья, а также производства продукции с высокой добавленной стоимостью. В результате увеличения выпуска продукции на новых технологиях происходит рост удельного веса собственного производства в валовом объеме предложения, что считается позитивным структурным изменением (Кузовлева и Сухарев, 2016).

Принимая вертикальную интеграцию в качестве необходимого основания для прироста объема выпуска собственного производства, следует дополнить модель параметром, отражающим увеличение доли крупных сельскохозяйственных организаций по отношению к КФХ и ЛПХ. Данное утверждение исходит не только из практик образования агрохолдингов (Барсукова, 2016), но также из концепции О. Уильямсона и Р. Коуза.

Согласно данной концепции вертикальная интеграция (ровным счетом, как и размер отдельной компании) обусловлена наличием трансакционных издержек. В условиях положительных трансакционных издержек, а также высокой специфичности активов между двумя и более контрагентами возникает тесная экономическая зависимость, при которой они, сохраняя свою самостоятельность, обмениваются гарантиями о сотрудничестве с целью экономии затрат на управление процессами. Трансакционные издержки, таким образом, представляя собой затраты, связанные с проведением обмена, обратно пропорциональны степени сопряженности производств.

Однако высокие трансакционные издержки также оказывают непосредственное влияние на качество пищевой продукции. В ранее проведенных исследованиях, посвященных проблемам технического регулирования качества пищевых продуктов, мы выяснили, что в современном российском обществе по причине высокого уровня трансакционных издержек (поиск информации, оппортунистическое поведение) обостряются проблемы в части экономической и физической доступности для населения качественных пищевых продуктов (Капогузов и Чупин, 2015). В условиях неполноты технических регламентов и низкой эффективности механизмов информатора на российском рынке появились продукты питания, имитирующие качество европейских товаров. По данным опросов ФОМ в городах России с населением свыше 1 млн человек 21% респондентов от общего числа опрошенных потребителей отмечают, что качество российских продуктов ниже импортных аналогов, тогда как 52% респондента считают, что качество российских продуктов не отличается от зарубежных⁷.

⁷ Опрос ФОМ (2016). Отечественные vs. импортные продукты питания. (<http://fom.ru/Ekonomika/12587> – Дата обращения 28.06.2017).

Учитывая, что конечной функцией любой продовольственной системы является удовлетворение потребностей населения в продуктах питания (Алтухов, 2008), необходимым условием импортозамещения, следовательно, является прирост качества продуктов питания, который может быть проиллюстрирован динамикой индекса калорийности.

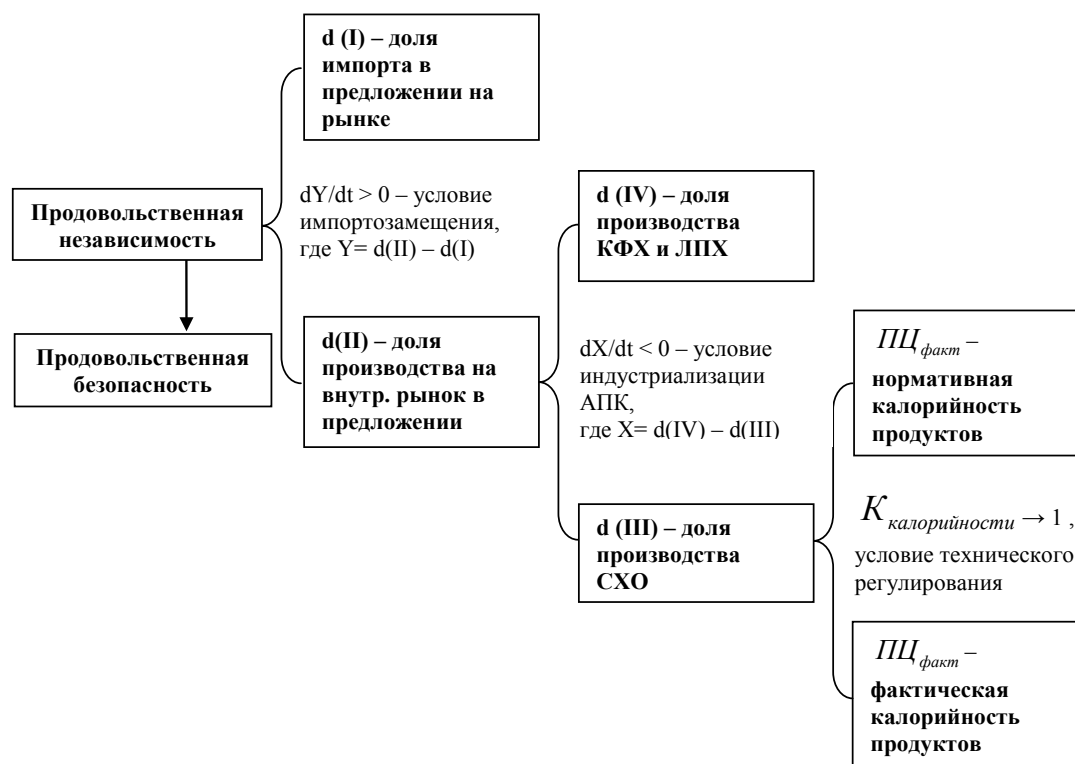
Индекс калорийности представляет собой соотношение фактической пищевой ценности продуктов питания и нормативного значения:

$$K_{\text{калорийности}} = \sum_{n+1}^i \left(\frac{ПЦ_{\text{факт}}}{ПЦ_{\text{норм}}} \right) / n \quad (2)$$

Где $ПЦ_{\text{факт}}$ – фактическая пищевая ценность i -продукта (ккал), $ПЦ_{\text{норм}}$ – нормативная пищевая ценность (ккал)⁸, n – количество анализируемых продуктов.

Именно в данном необходимом условии импортозамещения раскрывается социальная результативность протекционистских мер в отношении продовольственных рынков.

При обобщении вышесказанного появляется возможность изобразить логическую схему анализа социально-экономических последствий продовольственного эмбарго, применительно к различным видам продуктов (рис. 3).

Рис. 3. Условия обеспечения продовольственной безопасности в условиях продовольственного эмбарго

Источник: составлено авторами на основе подхода О.С. Сухарева к комплексной оценке позитивных структурных изменений в экономике (Сухарев, 2013).

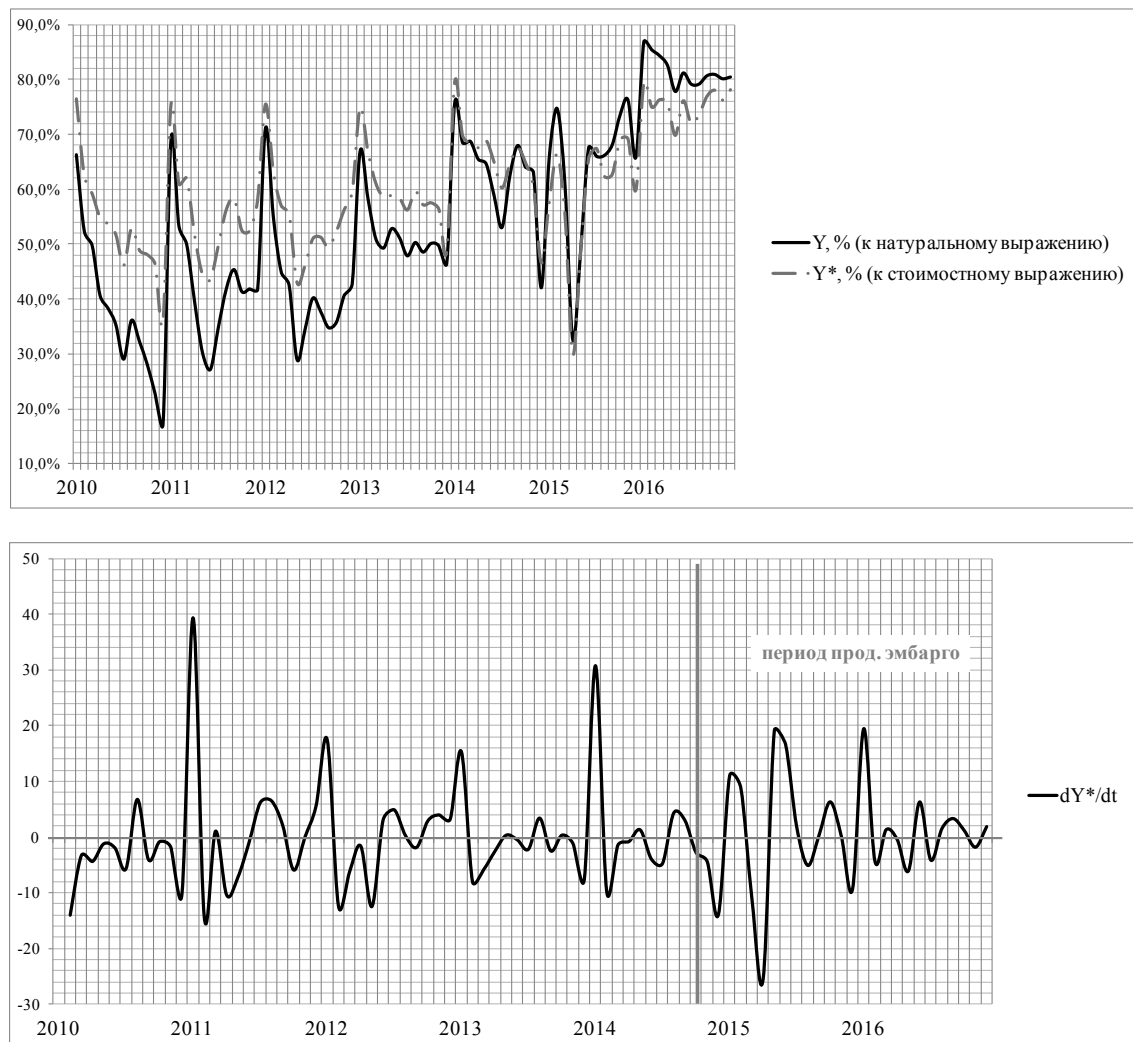
На данном этапе исследования будет затронут анализ рынков мяса (свинины, птицы, КРС) Российской Федерации, так как данные продукты занимают существенный удельный вес в структуре пищевой ценности, а также являются социально значимыми

⁸ Расчет нормативного значения осуществлен исходя из половозрастной структуры населения.

с точки зрения развития АПК. Кроме того, после принятия Технического регламента ТС «О безопасности мяса и мясных продуктов» в 2014 г. и запрета подсобного убоя скота мясная отрасль в большей степени испытывает интеграционные процессы. Эмпирической базой исследования выступили данные государственной статистики (ФСГС), базы данных независимых информационных агентств MeatInfo⁹, FAO UN и USDA.

По итогу проведенных расчетов были получены следующие результаты:

1. Произведена оценка условия импортозамещения на рынках мяса в Российской Федерации в период действия продовольственного эмбарго. Несмотря на прирост объема производства мяса в России в период действия продовольственного эмбарго (на 1788,5 тыс. т [+34,5%] по итогам 2016 г. к 2013 г.), существенных позитивных изменений в темпах импортозамещения начиная с 2010 г. не отмечается (рис. 4). Однако производственное эмбарго оказало влияние на процессы импортозамещения.

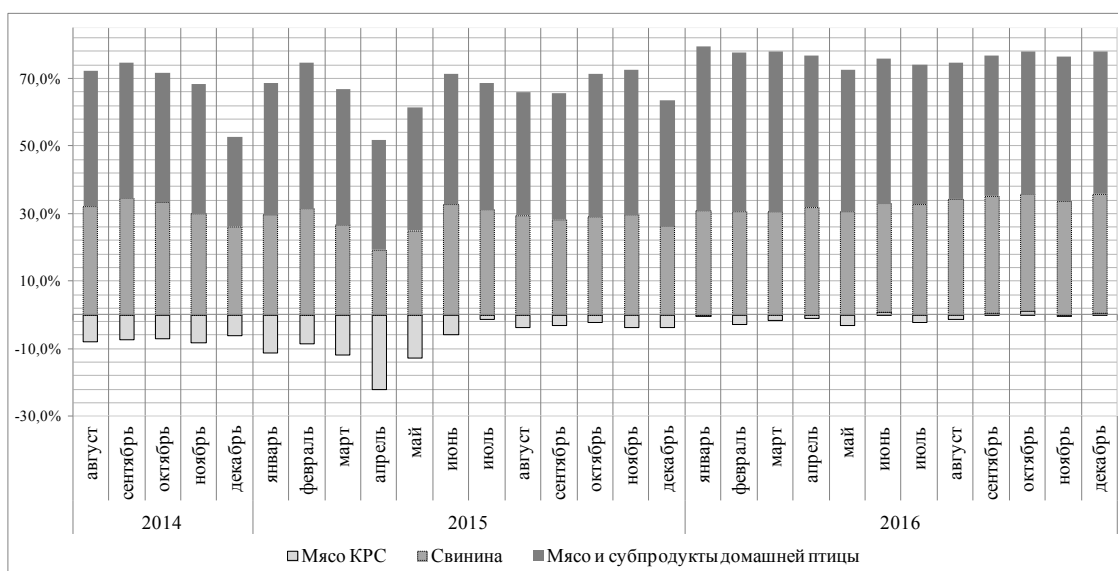
Рис. 4. Динамика параметров Y (в натуральном и стоимостном выражении) по мясной отрасли в России (2010-2016 гг.)

Источник: составлено авторами.

⁹ Аналитический отчет мясного рынка. (<http://meatinfo.ru/surveys> – Дата обращения 10.07.2017).

Средний темп прироста доли собственного производства в период до и после санкций составил 0,1 и 0,4% в месяц соответственно. При этом общий объем предложения мяса в России в отмеченный период вырос в полтора раза в натуральном выражении (+839,6 тыс. т в год) и в пять раз в стоимостном (+357,6 млрд руб.). Таким образом, *ключевым фактором* увеличения объема производства может считаться *высокий уровень* как внутренних цен, так и цен на импортные товары.

Рис. 5. Динамика параметра Y^* по видам продукции в общем объеме предложения мяса и субпродуктов (август 2014 – декабрь 2016 гг.)

Источник: составлено авторами.

Исходя из динамики параметра Y^* по видам продукции в период продовольственного эмбарго, можно заключить, что на рынках мяса сельскохозяйственной птицы и свинины сохранился баланс между производством и импортом в стоимостном выражении (рис. 5). Рынок мяса КРС характеризуется положительными изменениями: доля импорта в общем объеме предложения говядины сократилась с 5,8 п.п. при одновременном росте доли собственного производства на 2,8 п.п.

Представляется, что положительные изменения произошли в первую очередь по причине роста внутреннего промышленного производства.

2. Произведена оценка условия индустриализации мясной отрасли Российской Федерации в период действия продовольственного эмбарго (рис. 6).

Из проведенных расчетов следует, что положительные структурные сдвиги, которые демонстрируют отрасли свиноводства и птицеводства во многом связаны с уровнем их промышленного развития. Более 20% валового выпуска свинины в РФ приходится на АПХ «Мираторг» (117,8 тыс. т свинины в год), ГК «Русагро» (152,3 тыс. т) и ГК «Черкизово» (70 тыс. т свинины). Аналогическая ситуация в птицеводстве, где происходят консолидация активов, а также уход с рынка ряда неэффективных предприятий. По состоянию на начало 2017 г. рынок птицы и свинины в РФ насыщен на 90% (особенно это касается центральных регионов). Однако уже в 2017 г. темпы роста выпуска в свиноводстве и птицеводстве снизятся до 3–5%. Согласно оценкам экспертов, часть неэффективных предприятий покинет рынок, тогда как крупные агрохолдинги продолжают горизонтальную и вертикальную интеграцию, наращивая мощности по производству говядины, индейки и прочих дефицитных продуктов.

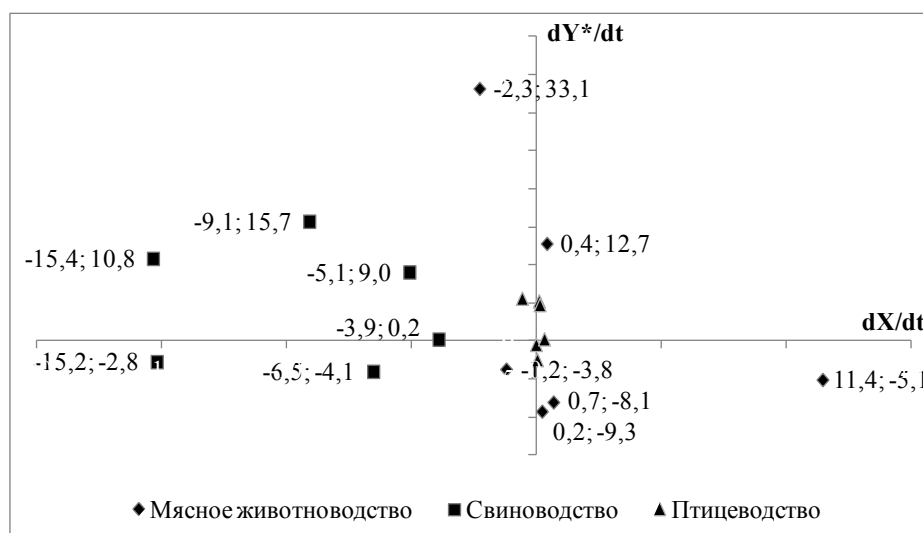

Рис. 6. Взаимосвязь импортозамещения и индустриализации в мясной промышленности России

Источник: составлено авторами.

3. Определены возможности институционального проектирования и контроля качества пищевых продуктов.

Несмотря на положительные стороны индустриализации мясной отрасли, существуют и негативные стороны наращивания объемов промышленного производства мяса. В первую очередь к ним относится снижение качества мясной продукции. В период продовольственного эмбарго отмечается существенное сокращение калорийности мяса и мясной продукции от нормативных значений по данной группе товаров. После вступления в силу Технического регламента ТС «О безопасности мяса и мясных продуктов» существенно сократился удельный вес ЛПХ и КФХ (на 10,5% в области свиноводства к 2014 г.). Бесспорно, что далеко не все малые хозяйства способны гарантировать безопасность продукции, но они при этом были неспособны имитировать качество с помощью технических средств и информационных технологий и доводить фальсифицированную продукцию до массового потребителя. Крупные агрохолдинги в свою очередь имеют такую возможность.

Обеспечение массового выпуска продукции требует налаживания системы контроля качества («от поля до прилавка»), нормальное функционирование которой невозможно в условиях отсутствия эффективных регуляций. Таким образом, в заключение исследования целесообразно предложить институциональные альтернативы продовольственного эмбарго, основываясь на обязательных условиях продовольственной независимости и ранее проведенных исследованиях в области технического регулирования (Капогузов и Чупин, 2014).

Таблица 1

Рекомендации по применению регуляций качества пищевых продуктов в РФ

	dY^*/dt	dX/dt	$K_{\text{калорийности}}$	Рынок
Оруэлловский тип (СИ<СВ, ЧИ>ЧВ)	> 0	< 0	0,90–0,93	Свинина
Конвенционный тип (СИ<СВ, ЧИ<ЧВ)	> 0	= 0	0,86–0,89	Мяса птицы
laissez-faire (СИ>СВ, ЧИ<ЧВ)	< 0	> 0	0,95–1	Мяса КРС

СИ – социальные издержки, СВ – социальные выгоды, ЧИ – частные издержки и ЧВ – частные выгоды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аварский Н. Д., Фетисова Ю. В. и Гасанова Х. Н. (2014). Влияние эмбарго на агропродовольственный рынок России // *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*, № 12, с. 39–45.
- Аганбеян А. Г. (2015). Шесть шагов, необходимых для возобновления социально-экономического роста и преодоления стагнации, рецессии и стагфляции // *Деньги и кредит*, № 2, с. 7–13.
- Алтухов А. И. (2008). Продовольственная безопасность как фактор социально-экономического развития страны // *Экономист*, № 5, с. 33–43.
- Афонцев С. (2015) Выход из кризиса в условиях санкций: миссия невыполнима? // *Вопросы экономики*, № 4, с. 20–36.
- Барсукова С. Ю. (2016). Дилемма «фермеры-агрохолдинги» в контексте импортозамещения // *Общественные науки и современность*, № 5, с. 63.
- Белокрылова О. С. (2014). Институциональная модернизация стратегии экономического развития в условиях принуждения к импортозамещению // *Вопросы регулирования экономики*, Т. 5, № 3, с. 6–13.
- Галиев Т. А. (2008). Теоретические аспекты продовольственной безопасности России // *Теория эволюции социально-экономических систем / Под ред. А. И. Татаркина, В. И. Маевского, РАН, УрО, Ин-т экономики*, с. 430–443.
- Губанов С. С. (2008). Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // *Экономист*, № 9, с. 3–27.
- Дементьев В. В. (2009). Что мы исследуем, когда исследуем институты // *TERRA ECONOMICUS*, № 1, с. 13–30.
- Ищенко-Падукова О. А. и Мовчан И. В. (2017). Экономическая политика импортозамещения: институциональные условия и императивы эффективности // *Вопросы регулирования экономики*, № 1, с. 76–84.
- Капогузов Е. А. и Чупин Р. И. (2014). Техническое регулирование качества пищевых продуктов: теоретические основы в контексте неинституционального подхода и российский опыт // *Государственное управление и государственная служба*, № 4, с. 109–122.
- Капогузов Е.А. и Чупин Р. И. (2016). Социальный контроль в сфере качества пищевых продуктов в России: теория и практика саморегуляции // *Вопросы регулирования экономики*, № 2, с. 38–48.
- Малкина М. Ю. (2014). Институциональные основы снижения качества товаров и услуг в условиях рыночной экономики (ответ И.В. Розмаинскому) // *Журнал институциональных исследований*, № 4, с. 77–97.
- Кузовлева И. А. и Сухарев О. С. (2016). Агропромышленный комплекс как генератор нового экономического роста России: состояние и возможности // *Международные научные исследования*, № 3, с. 8–16.
- Сёмин А. Н. (2015). Продовольственная безопасность России в условиях эмбарго // *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*, № 5, с. 9–14.
- Сухарев О. С. (2013). К разработке комплексной методики анализа структурных сдвигов // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, № 13, с. 36–42.
- Тамбовцев В. Л. (1997). Теоретические основы институционального проектирования // *Вопросы экономики*, № 3, с. 82–94.
- Усенко Н. И., Позняковский В. М. и Отмахова Ю. С. (2014). «Пальмовый рай» или «пальмовый спрут»? современные тренды и угрозы продовольственного рынка // *ЭКО*, № 9, с. 135–152.
- Шагайда Н. И. и Узун В. Я. (2016). Продовольственное эмбарго и выбор приоритетов // *Вопросы экономики*, № 7, с. 93–105.

Шагайда Н. И., Узун В. Я. и Шишкина Е. А. (2016). Как изменились потоки продовольствия в условиях эмбарго // *Оперативный мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития*, № 6(24), с. 18–23.

Экономические санкции против России: ожидания и реальность (2017). // Монография; коллектив авторов; под науч. ред. Р.М. Нуреева. М.: КноРус.

Cortright, D. and Lopez, G. A. (eds.) (2002). *Smart Sanctions: Targeting Economic Statecraft*. N. Y.: Rowman & Littlefield.

Coulibali, B. (2009). Effects of financial autarky and integration: The case of South Africa Embargo // *Journal of International Money and Finance*, vol. 28, Issue 3, pp. 454–478.

Dizaji, S. F. and van Bergeijk, G. (2012). Early phase success and long run failure of economic sanctions. With an application to Iran. International Institute of Social Studies. (URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2073475 – Дата обращения 27.05.2017).

Eggertsson, T. (1997). Neoinstitutional Economics / *The New Palgrave Dictionary of Economic and Law*, vol. 2. The Macmillan Press Limited: London, pp. 665–671.

Farmer, P., Smith, M. and Nevil, P. (2003). Unjust Embargo of aid of Haiti // *The Lancet*, vol. 361, no. 9355, pp. 420–423.

Furubotn, E. und Richter (2010). *Neue Institutionenökonomik: Eine Einführung und kritische Würdigung 4. Überarbeitete und erweiterte Auflage*, Mohr Siebeck.

Garfield, R. and Santana, S. (1997). The Impact of economic crisis and the US embargo on health in Cuba // *American Journal of Public Health*, vol. 87, no 1, pp. 15–20.

Williamson, O. (2000). The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // *Journal of Economic literature*, vol. 38, no. 3, pp. 595–613.

REFERENCES

Aganbegyan, A. G. (2015). Six Steps to Restore Socio-Economic Growth and Overcome Stagnation, Recession and Stagflation. *Money and Credit*, no. 2, p. 7–13 (In Russian.)

Altukhov, A. I. (2008). Food security as a factor of the country's socio-economic development. *The Economist*, no. 5, p. 33–43. (In Russian.)

Afontsev, S. (2015). Exit from the crisis in the conditions of sanctions: the mission is impossible? *Issues of Economics*, no. 4, p. 20–36. (In Russian.)

Avarsky, N. D., Fetisova, Yu. V., and Hasanova, Kh. N. (2014). Influence of the embargo on the agro-food market of Russia. *Economics of agricultural and processing enterprises*, no. 12, p. 39–45. (In Russian.)

Barsukova, S. Yu. (2016). The dilemma “farmers-agroholdings” in the context of import substitution. *Social Sciences and the Present*, no. 5, pp. 63–74. (In Russian.)

Belokrylova, O. S. (2014). Institutional modernization of the strategy of economic development in conditions of compulsion to import substitution. *Journal of Economic Regulation*, 5(3), p. 6–13. (In Russian.)

Cortright, D. and Lopez, G. A. (eds.). (2002). *Smart Sanctions: Targeting Economic Statecraft*. N. Y.: Rowman & Littlefield.

Coulibali, B. (2009). Effects of financial autarky and integration: The case of South Africa Embargo. *Journal of International Money and Finance*, 28(3), p. 454–478.

Dementiev, V. V. (2009). What We Will Examine When We Investigate Institutions. *Terra Economicus (The Economic Herald of Rostov State University)*, vol. 7, no. 1, p. 13–30. (In Russian.)

Dizaji, S. F. and van Bergeijk, G. (2012). Early phase success and long run failure of economic sanctions. With an application to Iran. *International Institute of Social Studies*. (http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2073475 – Дата обращения 27.05.2017).

Economic sanctions against Russia: expectations and reality (2017). Monograph; team of authors; (Eds. R.M. Nureev). Moscow: KNORUS, 194 p. (In Russian.)

Eggertsson, T. (1997). Neoinstitutional Economics. *The New Palgrave Dictionary of Economic and Law*, vol. 2. The Macmillan Press Limited: London, p. 665–671.

Farmer, P. Smith, M. and Nevil, P. Unjust Embargo of aid of Haiti. *The Lancet*, 361(9355), 420–423, 1 February 2003. ([http://www.thelancet.com/pdfs/journals/lancet/PIIS0140-6736\(03\)12380-X.pdf](http://www.thelancet.com/pdfs/journals/lancet/PIIS0140-6736(03)12380-X.pdf)).

Furubotn, E. und Richter (2010). Neue Institutionenökonomik: Eine Einführung und kritische Würdigung 4. Überarbeitete und erweiterte Auflage, Mohr Siebeck.

Galiev, T. A. (2008). Theoretical aspects of Russia's food security. Theory of the evolution of socio-economic systems, ed. A. I. Tatarkin and V. I. Maevsky, RAS, UrB, Institute of Economics, p. 430–443. (In Russian.)

Garfield, R and Santana, S. (1997). The Impact of economic crisis and the US embargo on health in Cuba. *American Journal of Public Health*, 87(1), 15–20.

Gubanov, S. S. (2008). Neoinustrialization plus vertical integration (on the formula for the development of Russia). *The Economist*, no. 9, p. 3–27. (In Russian.)

Ishchenko-Padukova, O. A. and Movchan, I. V. (2017). Economic policy of import substitution: institutional conditions and imperatives of efficiency. *Journal of Economic Regulation*, 8(1), 76–84. (In Russian.)

Kapoguzov, E. A. and Chupin, R. I. (2014). Technical regulation of food quality: theoretical foundations in the context of the neoinstitutional approach and Russian experience. *Public administration and public service*, no. 4, 109–122. (In Russian.)

Kapoguzov, E. A. and Chupin, R. I. (2016). Social control in the field of food quality in Russia: theory and practice of self-regulation. *Journal of Economic Regulation*, 7(2), 38–48. (In Russian.)

Kuzovleva, I. A. and Sukharev, O. S. (2016). Agroindustrial complex as a generator of Russia's new economic growth: state and capabilities. *International scientific research*, no. 3, p. 8–16. (In Russian.)

Malkina, M. Yu. (2014). Institutional basis for reducing the quality of goods and services in a market economy (I. Rozmainsky's response). *Journal of Institutional Studies*, 6(4), 77–97. (In Russian.)

Shagaida, N. I. and Uzun, V. Ya. (2016). Food embargo and choice of priorities. *Issues of Economics*, no. 7, p. 93–105. (In Russian.)

Shagaida, N. I., Uzun, V. Ya. and Shishkina, E. A. (2016). How the food flows changed under the conditions of the embargo. *Operative monitoring of the economic situation in Russia. Tendencies and Challenges of Social and Economic Development*, no. 6 (24), 18–23. (In Russian/)

Semin, A. N. (2015). Food Security of Russia in the Conditions of the Embargo. *Economics of Agricultural and Processing Enterprises*, no. 5, 9–14.

Sukharev, O. S. (2013). To the development of a comprehensive methodology for analyzing structural shifts. *National interests: priorities and security*, no. 13, 36.

Tambovtsev, V. L. (1997). Theoretical Foundations of Institutional Design. *Issues of Economics*, no. 3, 82–94. (In Russian.)

Usenko, N. I., Poznyakovskiy, V. M. and Otmakhova, Yu. S. (2014). “Palm paradise” or “palm octopus”? Modern trends and threats to the food market. *ECO*, no. 9, 135–152. (In Russian.)

Williamson, O. (2000). The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead. *Journal of Economic literature*. Sep., 38(3), 595–613.